

УДК 339.5

КОНТРАБАНДНАЯ ТОРГОВЛЯ ТАБАКОМ В ПОРУБЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

П. В. Седов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Статья посвящена контрабандной торговле табаком в России в конце XVII в. Автор приходит к выводу о том, что насаждение табака в России при Петре I было следствием не только фискальных интересов государства, но и тайного потребления табака самим населением.

Ключевые слова: История России XVII в., петровские реформы, табак, контрабанда, монастыри.

P. V. Sedov. ILLICIT TOBACCO TRADE IN THE NOVGORODIAN BORDERLAND IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

The article observes the tobacco smuggling in Russia in the late 17th century. The author concludes that the propaganda of tobacco in Russia under Peter I was a result of not only fiscal interests of the state but also illegal consumption of tobacco by the population itself.

Key words: History of the XVII-th century Russia, reforms of Peter the Great, tobacco smuggling, monasteries.

Проблема преемственности петровских реформ относительно предшествовавшего развития страны принадлежит к числу ключевых и наиболее дискуссионных. Насаждение курения табака при Петре часто выступает в этой связи значимым аргументом в пользу насильственности петровской реформы, противостоящей русской православной традиции.

Однако факты разрушают эту привычную схему: табак появился в России задолго до Петра I. Несмотря на указ Михаила Федоровича 1633/1634 г. и Соборное уложение 1649 г., запрещавшие курить и нюхать табак, новый обычай получал все большее распространение. В 1646 г. было даже сделано исключение на продажу партии табака в Сибири [Законодательные..., 1987; Соборное..., 1987; Чулков, 1855;

Богословский, 1941. С. 287–288]. Распространение табака в XVII в. шло вопреки официальным запретам, преимущественно на порубежных территориях: в Сибири [Шаповалов, 2000], на юге страны (через Украину и Астрахань), на севере (через Архангельск) и на северо-западе (через Новгород). Однако официально любой ввоз табака в страну считался контрабандой вплоть до Великого посольства Петра.

История табачной торговли и потребления табака во второй половине XVII в. позволяет по-новому взглянуть и еще на одну проблему: соотношения центра страны и ее периферии. Обычно восприятие новых явлений начинается со столицы, однако распространение контрабандного табака в допетровской России охватило вначале пограничные районы.

Новые данные о табачной торговле второй половины XVII в. сохранились в фонде Валдайского Иверского монастыря [АСПБИИ, ф. 181]. Во второй половине XVII в. Иверский монастырь принял в свою вотчину сотни карелов, выходцев из Швеции, вместе с которыми привычка курить табак получила заметное распространение на Северо-Западе. Потребность в табаке породила его контрабандный ввоз из Швеции. Среди иверских крестьян сложились артели, которые ежегодно ходили за рубеж за табаком. Часть из них попадалась на контрабанде, но доходы крестьян были настолько велики, что пресечь незаконный ввоз табака не удавалось.

История табачной контрабанды в вотчине Иверского монастыря показывает быстрое увеличение незаконной торговли, рост организации контрабандистов, а вместе с тем и возрастание посулов, которые монастырские власти платили, покрывая своих крестьян. В январе 1662 г. стряпчий иверского подворья в Новгороде был посажен «под приказную избу» до тех пор, пока не представит вотчинного крестьянина, уличенного в торговле табаком. Воевода боярин князь И. Б. Репнин припомнил представителю монастыря, что в этом же году иверские крестьяне еще дважды были замечены в контрабанде. Ладожский посадский человек «видел» «Иверского монастыря крестьян и иных с ними людей за рубежом в дву лотках, а приехали де они купить табаку на серебряные денги на тысячу на двесте рублей». Другой свидетель утверждал: «слышел де он в Воскресенском погосте на Сяси у попа из волосных людей, что де ездят мимо их и пеши ходят святого озера Иверскаго монастыря крестьяне со многими незнаемыми людми с пишалми и з сабли, з бердыши и с копы, и с топорки, собрався человек по дватцати и болши, Иверскаго монастыря в вотчину деревню Остров и на Низино для табаку».

Царская тарханная грамота запрещала въезжать в монастырскую вотчину, тем не менее князь И. Б. Репнин попытался добиться выдачи крестьян-контрабандистов. По словам стряпчего, воевода «на то настал, что ему на своем хочетца поставить, а говорит: одноконечна де не велю ис-под приказу выпустить, будет де тех крестьян не поставишь». Однако монастырские власти заявили, что оговоренные в табачном деле крестьяне сбежали из их вотчины, и воевода остался ни с чем [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 697. С. 2–3, 12, 14].

Размер взяток по табачным делам рос год от года как на дрожжах. Алчность воеводы и потребности населения в табаке как бы спорили

друг с другом: кто кого. Эти две неподконтрольные закону страсти обходили любые запреты. Курильщики нуждались в табаке, воевода – в незаконных доходах, и даже монастырские власти покрывали своих крестьян.

В апреле 1683 г. иверский стряпчий в Новгороде хлопотал по поводу очередного табачного дела. Стряпчий просил, чтобы воевода «от правого дела взял пирожок» (так в просторечии именовался «посул»). Когда же воевода запросил только себе 140 рублей, то стряпчий завел откровенный разговор «один на один: что и в твоей, государь, вотчины в селе Кесмы в деревнях таких промышленников много. И он и сам говорил: и моих де крестьян, где поймают с таким заповедным товаром, а о взятках наша братья не стыдятца, потому же с них берут» [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3089. С. 239–240]. Другими словами, воевода откровенно предлагал дать ему взятку, поскольку он сам их дает, когда и его крестьяне попадают на контрабанде табака.

В июле того же года в Новгород привели очередную группу крестьян, которые везли из-за рубежа «на семи конях» более 15 пудов табака. Сначала им удалось скрыться, но один из них, крестьянин новгородского владыки, был схвачен и выдал своих соучастников, среди которых были и иверские крестьяне. Если бы дело пошло законным порядком, то только одних штрафов пришлось бы заплатить 500 рублей: по 25 рублей за каждого пойманного с поличным крестьянина. Посул же от этого дела обошелся Иверскому монастырю в 300 рублей [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3228. С. 178–187, 199–200].

Несколько месяцев спустя в октябре 1683 г. попался с табаком иверский крестьянин села Еглина Терешка. В расспросе он признался, что только что его сын с другими иверскими крестьянами возил табак из-за рубежа. «И боярин начал у Сидора подьячего прежних приводов тем табатчиком спрашивать. И он, Сидор, в скаски тех приводов смеялся, сказал, бутто тем крестьяном, которые в табачном деле были, и наказание у боярина учинено, а приводы и роспросные речи отдал де боярин владыки государю для того, что и владычные крестьяне были в том табачном деле пойманы». Ситуация была и в самом деле забавная: воевода с дьяком получили за тот случай взятку и дело «помертвили», о чем боярин, видимо, за множеством подобных дел и запамятовал. Воевода стал просить документы этого сыска у новгородского митрополита, но владыка заявил: «у меня де такова дела нет, и боярин де ему такова дела не давал, тем де подьячий Сидор меня пригласил». Воевода стал на подьячего «велми гневен, а хочет бить

кнутом и ныне сидит он за караулом». Похоже, что подьячий отдал предыдущее дело кому-то иному, может быть, именно иверским властям, и, разумеется, небескорыстно, но без ведома воеводы, тем самым выставив боярина в смешном виде. Когда же воевода приступил к иверскому стряпчему с заявлением, что монастырские крестьяне в очередной раз уличены в табачной торговле, то стряпчий тоже не без иронии отвечал, что пойманные в табачном деле крестьяне уже получили наказание и «пенные деньги боярин у нас и дьяки взяли, а в приказной палаты в приходе те денги у него боярина записаны ли или нет, про то нам не вестимо», то есть деньги-то получил, а положил ли их в карман или в казну платил, это уже не наше дело! В ответ воеводе ничего не оставалось, как произнести бессильные слова, чтобы в дальнейшем иверские крестьяне перестали торговать табаком [АСПБии, ф. 181, оп. 1, № 3228. С. 243–244, 247–248].

На деле торговля табаком лишь развивалась, и крестьяне нередко оказывали вооруженное сопротивление при попытке их задержать. 1 декабря 1685 г. воевода боярин князь М. Я. Черкасский «ехал ис собору от обедни; к ево боярским санем пришед сечены и биты» четверо стрельцов, раненных иверскими крестьянами-контрабандистами. В приказной палате боярин и его товарищ – окольничий «изволили сами при многих дворянех говорить: нхде такова воровства и озорничества, и воровской пристани нет, как Иверского монастыря в вотчины. И дворяня в то число все завопели, что разорились, государь, Иверского монастыря от крестьян, такова де нам разорения ни от немец, ни от литвы нет» [АСПБии, ф. 181, оп. 1, № 3454. Ст. 214–215]. Тархан Иверского монастыря, запрещавший воеводе въезжать в его вотчину, создавал благоприятные условия для торговцев табаком.

В марте 1687 г. воевода взялся разбирать очередное дело о торговле табаком. Монастырские власти привычно запросили своего представителя в Новгороде: «буде [новгородский подьячий. – П. С.] Сидор Родионов гостинчика себе не возьмет и дела не порудит, и вам отписать к нам: чево воеводе и дьяку и подьячим от того дела хочетца». Из монастыря предлагали посулить С. Родионову «рублев десятку или другой, чтоб у него то дело было тайно, мочно ему Бога помнить», – всуе поминало Всевышнего монастырское начальство. Однако подьячий отказал, поскольку дело стало известно самому боярину. Тогда иверский стряпчий доложил боярскому казначею, на что тот ответил: «Меньши де прежнего оклада и ныне не возьмет». В устах

боярского казначея взятка за торговлю табаком приобретала уже характер «оклада». Иверский стряпчий хорошо помнил, что в прошлый раз воеводе досталось 70 рублей, а людям воеводы и прочим приказным – 45 рублей, да еще и пенных денег за каждого приведенного крестьянина по 5 рублей. Замечательно анекдотична риторика сторон: иверский стряпчий упирал на то, чтобы дьяк «в сем деле по Бозе учинил», а подьячий в ответ твердил, «чтоб прежнего оклада не нарушить» [АСПБии, ф. 181, оп. 1, № 3614. С. 70, 98–99, 101–103].

В 1689 г. открылось, что уже сложилась целая система, помогающая контрабандистам переходить границу. Пойманный иверский крестьянин «с кручины», то есть у дыбы, хотел было подать боярину роспись полутора десятка крестьян Валдайской округи, «которые ездят за рубеж по заповедной товар». Эти крестьяне «с собою берут и провозят за рубеж, а велят называтцы Иверского монастыря крестьянами. И от той де огласки наша братья промышленники разорились, а оне их проводят и берут с них скуп и поминки за провод болшие. И какая беда и придет, и оне платят в беду теми денгами». В этом известии примечательно, что подобная деятельность тайной валдайской артели разоряет «промышленников» – иверских крестьян, которые тоже охотно занимались незаконной торговлей, ловко пользуясь тарханом своего монастыря. Теперь у иверских крестьян появились ушлые конкуренты, они монополизировали какой-то удобный маршрут через границу, взимая с каждого контрабандиста по 3 рубля. Иверский крестьянин потому и хотел донести на них, что «оне всегда в беду платятцы сторонними денгами, что берут за проводы и что покинули де оне меня одново в городе, и от тех горланов мы, мелкие промышленники разорились». Иверские власти послали 100 рублей на то, чтобы прекратить очередное следствие по табачному делу [АСПБии, ф. 181, оп. 1, № 3816. С. 68, 69, 78–79, 81]. Появление подобной развитой контрабандной сети свидетельствует об увеличении объемов доставляемого в Россию табака.

Иверский монастырь имел средства скрывать табачную торговлю собственных крестьян не только в Новгороде, но и в Москве. В марте 1690 г. не удалось договориться с новгородским воеводой боярином князем И. С. Прозоровским, который стал грозиться сообщить об иверских «табачниках» в Москву: «табачные и корчемные, и винные дела все ведомы в приказе Большие казны, а не в Поместном приказе. И боярин де князь Петр Иванович Прозоровской, а ево боярской племянник, тотчас

доложит великих государей, и боярин де Петр Васильевич Шереметев тово не сведает» [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3924. С. 40]. В данном случае опасность для монастыря состояла в том, что родство новгородского воеводы с главой приказа Большой казны позволяло обойти в Москве влияние боярина П. В. Шереметева, покровителя Иверской обители и главы Поместного приказа, где монастырь был ведом по всем делам.

Впрочем, дело не сразу дошло до Москвы, поскольку и новгородскому воеводе не было резона отправлять его в столицу, ведь в таком случае он лишался значительного дохода. Иверский стряпчий обстоятельно передал слова воеводе: «чи де мне и самому не хочетца дому святого огласить, да и молчать де нам не уметь, хороше приказное дело делать по-приказному. Только ему я бил челом, – живописал беседу стряпчий, – чтоб пожаловали обложили пирожком, а ловоцкое дело прекратить и прошлых дел не вчинать и мужика не пытатъ. И он сказал: дайте де от сего ловоцкого дела и чтоб не описыватца о вышеписанных делах к Москвы мне и сыну 200 рублей на оба двора», сверх того воевода запросил еще и своим подчиненным 78 рублей. Стряпчий осведомился у своего начальства: «откупать ли тех крестьян или отдавать, а как отдать, и станут пытатъ, а с пытки станут многих оговаривать, чтоб всей вотчины не связать и крестьян всех не разорить. А как человек с десятков другой оговорят друга друга или больши, – напоминал стряпчий, – и государской пени по 20 по 5 рублей доправят, а боярин и стольник, и дьяк, и подьячие, и иные, своих пирогов однако не оставя, да огласки и убытки, чтоб больши не было б». Стряпчий извещал, что дворянин К. Б. Болтин, чей крестьянин попался заодно с иверскими табатчиками, уже заплатил от этого дела 130 рублей. «А и иначе де, хотя по сему окладу становитца, да еще ево легче, потому что боятцы пирогов своих от себя отпустить, чтоб дела не взяли к Москвы». В заключение стряпчий передал твердое слово воеводе: «А мне последнее слово сказал, что де как хочешь, быть ли не быть ли, так меньше не возмем. И то де хотя даетца дому святому, чтоб в огласке не быть и вотчины не розорить. А другое дело, сказал, инде мужика пытатъ, что хочет тот говорит» [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3924. С. 58–58 об.].

Стряпчий буквально торговался с воеводой о величине посула за табачное дело. В конце концов порешили на 150 рублях для воеводы и его сына и 85 рублях для подчиненных с обязательством отдать иверскому стряпчему сами дела

о табачном розыске. Уступив более полусотни рублей, воевода обнаружил свою подлинную цель – не упустить взятки из своих рук: «Мне и сыну – не уступлю ни копейкою, а з дьяками и с приказными как знает», – заявил он. Такова была цена словам воеводы, что приказное дело следует делать «по-приказному».

Однако монастырское начальство не согласилось на такой большой посул: «и та почестъ не в силу, если на четвертую долю возможно договоритца», такие большие взятки показались в монастыре чрезмерными: «почали кидать мешками, чего и в людях не ведетца». Пойманного с поличным крестьянина следовало научить говорить у пытки такие слова: «что на себя в табачке сказал, убояся стрельцов, потому что оне ево научили, а пытатъ ж будут», то за «лишние» слова на своих соучастников будет ему в монастыре «поучение впредь кнутом ободрать кожу, чтоб иным неповадно было воровать и друга друга оговаривать». Более всего иверские власти надеялись на то, что заступник монастыря в Москве боярин П. В. Шереметев доложит о сем деле и поведении новгородского воеводы царевне Татьяне Михайловне, «которой вручены Воскресенской и Иверской монастырь». Свое решение иверские власти разъяснили новгородскому стряпчему так: «Нынешнему воеводе с приказными дай полпяста рублей, и он будет молчать, пока будет жить, а другой, приехав, от тех же дел тово ж захочет, а как возьмут к Москве по нашему челобитью, так и почести все пали. Да и дать нам такую большую почестъ не к лицу, вся де нам посмеетца: не судимы де делами да судимы стали мешками. <...> А естли и боярин похочет и писать, и он пиши, хуже нам и убыточнее того не будет, и тольки ж и ему единой копейки не будет».

Дело пошло на принцип. Узнав, что иверские власти начали хлопоты в Москве, воевода вообще отказался брать какие-либо деньги с монастыря: «и чем обложил сперва пирожком, и того не емлет. А что посоветовав з добрыми людьми прибавили, и поготову не хочет имать: мне де ваши денги не надобны, а розыскивать про то дело буду. И по архиерейскому прошению тако ж и властей, которые благочестивые, прошению розыск хотел учинить бутто лехкой. А всяко думаетца, чтоб из города зжить архиерея, какой дому святому пакости не учинил».

Намерение воеводы донести на новгородского митрополита Корнилия и «зжить его» с кафедры только за то, что он вступился за Иверский монастырь, показывает, насколько далеко зашел конфликт. Новгородский владыка и какие-то монастыри его епархии просили воеводу князя И. С. Прозоровского учинить «лехкой» ро-

зыск по табачному делу. Вся эта история случилась всего лишь потому, что воевода не получил посул, который он сам и назначил, но теперь ситуация вышла из-под контроля.

Стряпчий обстоятельно описал сложившееся положение дел: «Нихто бы етово дела не слышал, и насмешки б такой дому святому не было, как бы то дело сперва прекратилась, а ныне то дело стало всему граду в огласку. Тако ж боярин опасен против указу великих государей и денег имать за наше дело не хочет. А мне, послушнику вашему, по вся дни то и говорит, что де поставь мужиков». Стряпчий обратился за помощью к новгородскому митрополиту, «чтоб на отъезде ему боярину изволил поговорить. И архиерей милость явил: <...> я де ему еще поговорю, чае де что и возьмет, а розыск учинит полегче, не розыскав де ему против указу великих государей не уметь, стало дело в огласку».

Для того чтобы мириться с воеводой, в Новгород от иверских властей был послан старец Виктор с «советными грамотками». Но воевода их даже не распечатал и начал «с великим гневом говорить, что де писал ко мне племянник мой боярин князь Петр Иванович своею рукою, что де ваши на Москве два старца меня оглашают, бутто я у вас от того дела просил пятисот рублей». Старец Виктор отвечал «со всяким покорением», но воевода был непреклонен «и сказал, что ты, старец, впредь не ходи ко мне на двор с обманом, а буде дело есть, и ты приходи в приказ; в очи де льстите, а за очи промысел на Москве чините». Далее в черновой отписке из Новгорода написаны слова, которые затем были вычеркнуты, видимо, из осторожности. Воевода сообщил старцу: «Писано ко мне в той же грамотки от племянника ево, чтоб я с вас не взял от того дела ни алтына, а учинить вправду против государева указу для того: как был де я племянник и сам, Петр Иванович, на воеводстве, а в котором городе, того он, боярин, мне <...> не сказал, и дело было так же как ныне и с вами в табатчиках и винщиках [*В отписке “в табатчиках и винщиках” зачеркнуто*], и я де покусился взять с них сто рублей, и те денги им назад отдал [*В отписке “взять с них сто рублей, и те денги им назад отдал” зачеркнуто*] да токож по огласке и в том деле сыскивал вправду, и на тех ворах по сыску» доправил «пени» на 1000 рублей [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3924. С. 69, 71, 84 об., 87, 90–91, 93, 95, 99–100, 104, 124–125, 127; № 3922. С. 41, 48, 50, 52; № 4082. С. 24, 32, 86; № 4211. С. 41].

Далее дело было передано на рассмотрение в Москву. Иверский стряпчий в столице явился к племяннику новгородского воеводы боярину князю П. И. Прозоровскому, который «выслу-

шав той отписки, сперва говорил многие грубые слова, а после как мы, послушники ваши, известили ему на словах боярину про запросы боярские, что посулов просит многое число, и он, боярин князь Петр Иванович, стал говорить смирнее и гораздо сумнился и тотчас приказал отписать чрез почту» к своему дяде в Новгород. Стряпчий советовал, что «нечего опасатца» новгородского воеводы стольника князя Никиту Прозоровского, а следует его «и самого огласнуть, что он и сам про табачное дело ведал, как отец ево по два года с табачных дел посул брал и потачку чинил. И в котором году сколько взял посулу, и которые крестьяне в том табачном деле приличны были, написать имянно вам, государем, нечто учинят».

В столице дело пошло «в протяжку»: оно было передано в приказ Большой казны, но еще и в ноябре 1690 г. «не докладывано для того, что времени не излучат». Только одна перечневая выписка по делу заняла полтора листа. Иверский стряпчий показал выписку С. А. Лопухину, который хотел «доложить великого государя как он государь будет у него на загородном дворе или где на безлюдстве излучит время. И как я ему Сергею Аврамовичю подробно розказал все то разорение сначала и до конца, и он, слушая моих слов, заплакал». Хлопотать взялся было и А. А. Матвеев, «только сами изволите знать, – заметил стряпчий, – что говорит красно, а помощь от него медленка» [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3922. С. 78, 84, 86–87].

Более двух недель составленные челобитные оставались без движения, и наконец около 10 декабря 1690 г. стряпчий сообщил из Москвы, что «будучи на всенощном у Афтамона Ивановича ныне на Николин день, говорил мне: вчерашняго дня у боярина нашего [П. В. Шереметева. – П. С.] со князем Петром Ивановичем Прозоровским перед государем была великая пряха о разорении монастырском. И государь де, долго слушав такой у них преки, выбежал от них вон и указу никакова не учинил. И что учинитца, про то Бог весть. И я ныне стал в размышлении: не ведаю как и куда болши того и поступать, только с печали все сердце высохло» [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 3924. С. 94].

Вероятно, этот доклад по табачному делу стал памятен Петру. Полторы сотни листов спорного дела, очевидная лживость обеих сторон, страстное и небескорыстное заступничество в деле первых сановников государства – все это не оставляло реальной возможности разрешить спор по старине. Проблемный узел нужно было разрубать по-новому. Не пройдет и пяти лет, как царь снимет запрет на ввоз табака из-за рубежа, чтобы прибыль получала казна, а не воеводы-лихоимцы.

Это громкое дело показывает, что меры против контрабанды табака были совершенно неэффективными, поскольку легко обходились обычным на Руси порядком. Лишь в исключительных случаях, когда чиновник был слишком алчен или виновный излишне прижимист, возникал сыск. Документы Иверского монастыря полны указаний, что табаком торговали крестьяне не только Иверского монастыря, но и других обитателей, а также во владениях митрополита и новгородских дворян. Новгородский воевода князь И. С. Прозоровский признавался, что в его вотчине тоже торгуют табаком, а князь П. И. Прозоровский вспоминал, как и ему приходилось сталкиваться с табачной торговлей. Страна уже курила табак, и остановить этот процесс было невозможно. Так же было и в других странах, где категорические запреты на употребление табака мало что значили. Существенно, что потребление табака шло «снизу», его сначала курило простонародье, а уж затем – верхи общества.

Рост потребления табака и крах борьбы с его контрабандой подвели царя к мысли о возможности его легализации. Решающее значение имело отношение самого Петра к табаку: он видел в нем не погибель души, а принадлежность к новому укладу жизни, к которому и сам стремился. Сначала какие-то права на ввоз табака в страну получил Яков Брюс. В 1695 г. исключительное право на продажу табака в Архангельске и московской Немецкой слободе, «как велено было тем табаком торговать Якову Брюсу», Петр передал за три тысячи рублей Томасу фон де Брахту.

Затем табачный откуп был передан прибыльщику Мартыну Богданову сыну Орленку. Именной указ об этом 1 февраля 1697 г. содержит важную информацию, которую следует сопоставить с уже рассмотренными данными о контрабандной торговле табаком в вотчине Иверского монастыря: «продавать табак и торговать явно для того <...> что во многих домех у всяких чинов людей табаку является много и из черкасских городов и из-за моря к Архангельскому городу привозят и продают тайно, не являсь в таможене, и пошлин нигде не платят, а в иных городех и в уездах тот табак продают с ведома воевод и приказных людей и дают им от той явки многие дачи» [ПСЗ. Т. III. № 1570]. Указ не содержит никакого понуждения курить табак, речь идет лишь о том, что подданные потребляют заповедный товар и не платят за это пошлины в казну, тогда как воеводы и приказные люди обогащаются посулами.

Следующие шаги в сторону легализации табака в России относятся ко времени Великого

посольства. 16 апреля 1698 г. Петр отдал табачный откуп англичанину маркизу Перегрину Кармартену за 200 тысяч фунтов стерлингов или 400 тысяч рублей серебром сроком на семь лет. Откупщик получил также монопольное право («с запрещением всем другим») продавать «на Москве в городах и уездах табачные немецкие трубки, и коробочки (табакерки), и иные мелочи, к тому табачному куренью принадлежащие». Одновременно царь дозволил своим подданным «табак курить и другим образом употреблять по воле каждого» [Милюков, 1905. С. 163–164; Богословский, 1941. С. 287–289, 338–339, 342–343, 345, 347–349].

Документы Иверского монастыря сохранили сведения о том, какова была практика торговли табаком в новых условиях. Первое упоминание о легализации табачной торговли в монастырской переписке относится к июлю 1697 г. Поводом послужила очередная поимка иверских крестьян с табаком. Однако теперь ситуация изменилась, и инициативу преследования на себя взял не воевода, а откупщик табачной продажи. Когда старорусский воевода сообщил в Москву о факте контрабандной торговли, то табачный откупщик, член гостиной сотни Мартын Богданов Орленок, подал челобитную о пресечении незаконной торговли. В ответ из приказа Большой казны в Старую Руссу намеревались послать сержанта и подьячего для сыска «табачной продажи». Однако иверские власти «гостинчиком челом ударили» и остановили сыск.

В этой связи с московского подворья и сообщили о новом царском указе: «А указ великого государя состоялся о той неявиной табачной продажи против винной выимки корчемников, и пеня на великого государя имати». Иверский стряпчий просил разослать во все монастырские погосты «памяти» с запрещением торговли табаком «утайкою». «А кому хочетьца табаком торговать, и оне б у него подьячего и у целовальников явились и договаривались договором до декабря месяца, а з декабря месяца 206-го года у того табаку у продажи будут верные головы и целовальники городовые. И впредь, государи, и пуще продажи будет много, да в том воля великого государя, никто ему не укажет» [АСПБИИ, ф. 181, оп. 1, № 4812. С. 95–96].

Перед нами единственное в своем роде высказанное в переписке Иверского монастыря отношение к царскому указу. Это ни в коем случае не прямое осуждение, такое было страшно даже помыслить, а тем более написать. Отписка с московского подворья составлена от имени двух иеромонахов Филарета и

Кирияка, которые спрятали свое личное отношение к невиданному доселе царскому указу за словами «в том воля великого государя, никто ему не укажет». Однако уже сами эти слова свидетельствуют о том, что иеромонахи полагали этот указ необычным, хотя и подчеркнута смирялись перед царской волей.

Любопытна и другая сторона отношения иверских старцев к легализации торговли табаком. Суть введения табачных откупов состояла в том, что казна получала прибыль: средства, которые раньше шли в карман приказных в качестве посулов, теперь должны были легализоваться в виде пошлин с разрешенной табачной продажи. На деле, как и прежде, вопрос был решен «гостинчиком». На словах иверские старцы могли дивиться разрешению табачной торговли, но при этом, как и раньше, потворствовали своим крестьянам заниматься этим прибыльным для них, а значит, и для монастыря делом.

Хотя разница все же была: табачный откупщик не был заинтересован в том, чтобы утаивать факты тайной торговли табаком. В августе 1697 г. с московского подворья сообщили, что судья Преображенского приказа И. Т. Инихов, с которым иверские старцы договорились было по этому делу, сообщил, что «хотят против челобитья гостиные сотни Мартына Орленка ис Преображенского приказу отпустить великого государя грамоту в Великий Новгород к окольному о розыске <...> А того де учинить невозможно, что не отпустить грамоты, потому что истец непрестанно докучает» [АСПБии, ф. 181, оп. 1, № 4812. С. 100].

В дальнейшем по вопросам незаконной табачной торговли иверским властям приходилось иметь дело с табачным откупщиком в Новгороде. В июле 1699 г. с новгородского подворья сообщали, как «иноземец Николай Олферьев, которой живет в Великом Новгороде для продажи никоцыану», известил иверские власти о факте контрабандной продажи табака иверскими крестьянами. Этот факт был установлен табачными откупщиками Деревской А. Марининым и Д. Григорьевым: прошлой «зимой, за неделю масленицы» крестьянин деревни Пестова «продал им пять фунтов табаку без людей». Получается, что откупщики Деревской пятины спровоцировали потенциальных контрабандистов на незаконную сделку, а потом доносили об этом своему начальству в Новгороде. Иноземец Н. Олферьев запрашивал: «бить ли де челом ему о том в Великом Новгороде или зделку учинить». Как видим, откупщик был готов «утоптать» это дело между собой, как это делали и новгородские воеводы. В ответ иверские власти велели «провеждать от посто-

ронних людей, которые при нем Николае живут, чего он от того дела хочет. <...> А есть ли с ним ныне договариватца, и он заищет много, и крестьяном будет вконец розоритца». Однако откупщик странным образом не проявил никакой настойчивости. Две недели спустя: «от него по се число с тех времен никаких слов не бывало, а знатно, что о том впредь будет ли челобитье» [АСПБии, ф. 181, оп. 1, № 4938. С. 148, 152, 169–170, 181]. Похоже, что иноземец-откупщик не стал связываться с влиятельным монастырем по столь незначительному эпизоду.

История табачной торговли в конце XVII – начале XVIII в. на примере вотчины Валдайского Иверского монастыря приводит к выводу о том, что Петр лишь легализовал ввоз и потребление табака, которые уже существовали подпольно. Монастырские власти знали о незаконной табачной торговле своих крестьян, но никогда сами не доносили на них. При получении сведений о раскольниках в своих вотчинах монастырские власти прибегали к помощи властей, здесь они поступали последовательно, но на табачную торговлю монастырское начальство предпочитало закрывать глаза.

В данном случае церковная риторика против курильщиков не выдерживала проверки на искренность: монахи говорили одно, а поступали иначе, они лукавили и изворачивались, лишь бы прекратить нежелательные для них во всех смыслах дела о табачной торговле собственных крестьян. Подобное поведение свидетельствует о двойственном отношении к табачникам даже среди монастырской братии: церковные проклятия в адрес табака уживались с укрывательством тех, кто занимался этим греховным делом. Получается, что на деле монастырское начальство допускало потребление табака у собственных крестьян, что исподволь меняло официально принятую церковью норму поведения в этом вопросе. Сначала сами монахи попустительствовали табачной контрабанде в своей вотчине, а уже десятилетия спустя царский указ разрешал ее в интересах казны.

Легализация табака при Петре решительно противостояла средневековой традиции, и ее можно считать знаковой в смысле утверждения новых обычаев. В Голландии, где Петр имел случай поближе познакомиться с повседневной жизнью ее обитателей, табачный дым был непрямым атрибутом быта корабельщиков и горожан. Он олицетворял быстротечность жизни, заносчивую манеру пускать деньги на ветер, веселое отношение к времяпровождению. Этот новый обычай противостоял церковным запретам и прежним нравственным устоям. Табак курили для удо-

вольствия, это была своего рода реабилитация телесного начала, характерная для Нового времени.

Так же как и в иных своих нововведениях, Петр, разрешая, а отчасти и понуждая подданных курить и нюхать табак, исходил из уже существовавшей практики, которую он рационально ставил на службу самодержавному государству.

Литература

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (в тексте – АСПБИИ).

Богословский М. М. Петр I. Т. II. М., 1941.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Седов Владимир Павлович

д. и. н.

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Санкт-Петербург, Россия

эл. почта: sedovpv@rambler.ru

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1987.

Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. Глава XXV. Ст. 11–21. Комментарии. С. 397–400.

Чулков М. История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II. Казань, 1855.

Шаповалов А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 2000. С. 107–121.

Sedov, Pavel

Institute of History, Sant-Petersburg,

Russian Academy of Science

Sant-Petersburg, Russia

e-mail: sedovpv@rambler.ru